

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТОВОГО СОЗНАНИЯ

Александр ГЛОТОВ

Национальный университет “Острожская академия”

Російська література XX століття як явище мистецтва “закритого”, релігійного типу сформувалась під опосередкованим впливом культової християнської свідомості. Основні постулати соціалістичного реалізму відповідають ідеології та практиці християнських текстів.

Ключові слова: російська література XX століття, культова свідомість, релігія.

Русская литература XX века как явление искусства “закрытого”, религиозного типа сформировалась под опосредованным воздействием культового христианского сознания. Основные постулаты социалистического реализма соответствуют идеологии и практике христианских текстов.

Ключевые слова: русская литература XX века, культовое сознание, религия.

Russian literature of the 20th c. as a phenomenon of art of the “closed”, religious type was formed under indirect influence of cult Christian consciousness. The basic postulates of socialistic realism correspond to the ideology and practice of Christian texts.

Key words: Russian literature of the 20th c., cult consciousness, religion.

Гносеологическая и типологическая близость религии, в частности – религии христианской, и идеологии, в частности – идеологии большевистской, достаточно очевидна. Проще всего было бы тут ограничиться сакраментальным – *sapienti sat*.

Однако возникает неизбежный вопрос: коль скоро они подобны, то должны быть подобны и их судьбы. Но о большевизме как-то трудно сказать, что, зародившись, по историческим меркам, сравнительно недавно, он продолжает, как это было с христианством, свое победоносное шествие по континентам. О практическом воплощении большевизма на Кубе, в Китае и в Северной Корее, за недостатком фактического материала, сейчас говорить не будем. Европа, казалось бы, решительно отрясла прах большевизма со своих ног и выставила за дверь “призрак коммунизма”, который так долго по ней бродил.

Если оставаться на почве аналогий, то с железной последовательностью напрашивается вывод о будущем большевизма. Ведь какие бы страсти, расколы и Варфоломеевские ночи ни сотрясали христианство, оно

продолжает благополучно существовать: в форме католической, греко-католической, протестантской, православной, баптистской, адвентистов седьмого дня, свидетелей Иеговы и так далее. Каждая из этих форм считает свою правду истиной в последней инстанции, хотя все они опираются на одну и ту же небольшого формата книгу, состоящую из 67 разделов, написанных в разное время разными людьми и названную в результате просто Книгой – Библией. Так или иначе, река христианства, раздробясь на более или менее мощные течения, продолжает течь и утолять жажду миллионов людей.

История большевизма развивалась по гораздо более сконденсированному во времени сценарию. Большевизм уже миновал и катакомбный период, и период формирования католической (вселенской) церкви в виде Коминтерна, и в рясе государственной религии вволю походил, и в облике инквизиции наломал костей и пролил крови вдосталь, и с расколами и ересями меньшевистскими и троцкистскими власть поборолся. Да, сейчас он переживает кризис, он уже не властвует, как прежде, над половиной мира.

Но из этого совсем не следует, что он умер. Петр Яковлевич Чаадаев, русский мыслитель XIX века, настолько оригинальный, что официально, приказом по империи, был объявлен сумасшедшим, высказал как-то парадоксальную мысль, которую я никак не могу додумать до конца: “Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники”. Что это было: похвальба или угроза? Предостережение или констатация факта?

И христианская религия, и реальный социализм, если судить о них по их постулатам, по их священным текстам, во-первых, хотят видеть человека, своего подопечного, личностью во всех отношениях положительной, личностью, с которой любому хотелось бы иметь дело. И заповеди христианские, и программа воспитания человека коммунистического общества прекрасно соотносятся друг с другом и не оставляют желать ничего лучшего.

Во-вторых, за соблюдение этих заповедей и программ христианство и социализм обещают прекрасное будущее, к которому тоже, при всех усилиях, добавить ничего нельзя. Можно только желать как можно более скорейшего наступления этого будущего. Казалось бы, чего же еще? Выбирай, что тебе по душе и – вперед и с песней.

Ан нет. Оказывается, за все эти прелести надо сначала заплатить. Причем цена настолько высока, что совершенно реально можно

почувствовать себя банкротом, а сам процесс “товарооборота” вывернут наизнанку: платить надо все и сразу, а “товар” получать в далеком будущем и по частям.

Таким образом, получается, что как одна, так и другая система, отличаясь в частности, сходятся в одном: они отнимают у человека свободу, право выбора. “*Кто не с нами, тот против нас*”. Этот лозунг произнес Иисус Христос и повторил за ним Максим Горький.

Хотя, если встать на точку зрения верующего, то такому положению есть обоснование. Коль скоро Бог человека создал, то именно он вправе распоряжаться своим созданием. Но как тогда прикажете понимать так называемого “советского человека”? Ведь жизнь ему, по его материалистическому мировоззрению, даровали папа с мамой, а никак не Государство. Впрочем, слово “государство” никогда не было в чести у большевиков, со времен статей Ленина, обличающих эксплуататорскую сущность этого социального феномена. Чаще применялись слова “Отечество” и “Родина”, а это, по сути, функциональные синонимы слов “отец” и “мать”. Да, социалистическое Отечество именно породило новый тип человека. Во всех документах это фиксировалось как достижение социалистического строя: “новая общность людей – советский народ”. Недавно эту общность слегка перекрестили – “гомо советикус”. Был гомо сапиенс – стал гомо советикус. Значит, тут тоже все в порядке. Государство меня породило, государство меня опекает – государство имеет право потребовать от меня, своего создания, всего, чего захочет. И в этом – своя железная логика.

Так непримиримые, казалось бы, изначально враги сходятся в своей глубинной сущности. И в этом закономерности парадоксов истории.

Авторы коллективного труда по истории русской советской литературы выдвигают основной, повторяемый десятилетиями постулат: “*Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед литературой такие новые проблемы и такие небывалые задачи, что каждому писателю нужно было пережить поистине „второе рождение*” 3, с.16.

Речь идет о том, что на территории государства после определенной даты возникла такая ситуация, когда ни у кого из писателей не оставалось выбора: или ты “переживаешь второе рождение”, или не переживаешь и первого. Не стоял вопрос о смене течения, направления, стиля, метода. Тут стоял вопрос о смене типа эпохи.

Известно, что в истории цивилизации выделяют “два наиболее общих типологических ряда словесной культуры, условно говоря, системы “закрытого” и “открытого” “типов” 7, с.74. Каждая из систем обладает

своими специфическими признаками. Так, в частности, в системе “закрытого” типа “единственной или по крайней мере абсолютно доминирующей общественной функцией человеческого слова может быть только экзегетичная функция внушения субъекту некоего сверхличностного идеологического содержания, внушения, не опирающегося на осознанно-личностное отношение воспринимающего к высказыванию” [7, с. 74–75].

В системе же “открытого” типа, напротив, “художественная сфера словесности открывает перед личностью автора, пожалуй, наибольшие возможности индивидуального самовыражения” [7, с. 77].

Таким образом, как видим, принципиальное отличие одной культуры мышления, культуры творчества от другой состоит в том, что в “открытой” системе автор волен выражать именно себя, а не кого-либо или что-либо иное, а в системе “закрытой” пишущий, осознанно или не осознанно, внимает тому, что внушено ему свыше и в рамках воспринятого репродуцирует действительность.

Культура “закрытого” типа стремится предоставить каждому вошедшему в нее, логичную и самодостаточную систему взглядов на мир и человека, которая обеспечивает устойчивость психики, целеустремленность действий и уверенность в своих силах. А это, в свою очередь, гарантирует стабильность общества. И совершенно естественно такая система априори отвергает какие-либо посягательства на верность любого из ее краеугольных камней. И тем самым становится “закрытой”.

И этот принцип является всеобщим. Как только какое-либо общество задается целью выработать для себя какие-то положения, которым будет придан статус незыблемых и единственно верных, это общество неизбежно станет в своей сущности сакральным, а его культура приобретет все признаки “закрытости”. И в конечном счете не имеет значения, каков характер этих положений, будут ли они чисто религиозными, политическими или национально-этническими – результат один и тот же.

Процитированное исследование В. Тюпы не принадлежит, как может показаться, к числу “потаенных”, диссидентских, “тамиздатовских” работ. Отнюдь, оно трактует процессы, удаленные во времени на весьма безопасное расстояние, опираясь при этом на солидные труды Д.С. Лихачева, Н.И. Конрада, М.И. Стеблина-Каменского, С.С. Аверинцева, А.Я. Гуревича и других. Но иных систем просто не существует: либо открытая, либо закрытая. Вот в чем проблема.

Причем никто нигде не говорит, что “открытая” система – это обязательно хорошо, а “закрытая” система – это непременно плохо.

Нет, они просто являются выражением той или иной исторической эпохи. Сменяется эпоха – сменяется тип культуры. В частности, цитированный исследователь, говоря о словесной культуре “закрытого” типа, имел в виду “средневековую книжность, библейскую ближневосточную традицию, ведическую словесность Древней Индии и т.п.” [7, с.74]. Как видим, к словесной культуре “закрытого” типа относятся произведения очень высокого качества, внесшие в развитие человечества неоценимый вклад.

Для того, чтобы определить, к какой же из систем культуры можно отнести сформировавшуюся тогда структуру, необходимо сориентироваться в том, с чем ее сравнивать и по каким признакам. В.М. Жирмунский, говоря о методах сравнения, выделил три их типа: сравнение историко-генетическое, историко-типологическое и сравнение, устанавливающее международные культурные взаимодействия [2, с. 253].

Попробуем выяснить, к какому виду словесной культуры принадлежала структура, получившая наименование советской литературы. К таким культурам, как уже говорилось, принадлежат великие явления мировой цивилизации: Веды, Библия и т.п., каждое из которых отражало состояние своей эпохи. С какой же эпохой можно сравнить ту, в которой оказались создатели советской литературы?

Такое сопоставление довольно давно сделал Ф. Ницше в работе “К генеалогии морали”. Сравнивая европейский пролетариат и первых христиан Древнего Рима, Ницше писал: “*В то время, когда всякая преобладающая мораль вырастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит НЕТ “внешнему”, “иному”, “несобственному”:* это НЕТ и оказывается ее творческим деянием” [5, с. 424].

Социал-демократ Каутский вообще категорически настаивает на том, что первые христиане, начиная с Иисуса и его апостолов, в своем кругу придерживались норм социалистического общежития, ориентируясь на идеалы марксизма. “*Вряд ли когда-нибудь классовая вражда современного пролетариата принимала такие фанатичные формы, как классовая вражда христиан-пролетариев*” – пишет Каутский, перечисляя далее целый ряд коммунистических черт, которые были присущи христианскому сообществу [4, с. 308].

Это означает, что, говоря о той русской литературе XX века, которая опирается в своей основе на марксизм как идейно-политическое учение, мы вполне можем сопоставлять ее с литературными текстами,

порожденными учением христианским. Тем не менее, необходимо, для четкости определения критериев, обозначить, что в данном конкретном исследовании речь идет прежде всего и более всего о типологическом сопоставлении. Примерами прямого заимствования (то есть – генетически-контактной связи) из Святого Писания, как уже говорилось выше, изобилует вся мировая литература, да и вообще мировое искусство, что вовсе не обязательно означало, что то или иное произведение искусства принадлежало к подобной “закрытой” системе. Как говаривал Гегель, “*даже дьявол цитирует Библию, но это еще не делает его теологом*” [1, с. 211].

Итак, с одной стороны, как пишет исследователь, наиболее характерной чертой словесной культуры “закрытого” типа, культуры Святого Писания, является то, что “*истина изречена в “слове божьем” и предшествует человеческому познанию, а не венчает его*” [7, с. 75]. С другой стороны, Максим Горький в заключительной речи на Первом съезде писателей, будучи формально в то время беспартийным, громкогласно заявляет: “*В чем я вижу победу большевизма на съезде? В том, что те из них, которые считались беспартийными, “колеблющимися”, признали, – с искренностью, в полноте которой я не смею сомневаться, – признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве, в животиси словом...Отклонения от математически прямой линии...враждебно противоречат показаниям разума*” [6, с. 401].

Представляется несомненным, что русская литература XX века, опираясь на выдающиеся культурные и философские достижения предшествующего периода и прежде всего – великой литературы XIX века, по мере возможности впитывала в себя и насколько могла использовала внутренние опоры, с помощью которых создавались эти вершинные достижения. К числу таких опор следует отнести комплекс архетипов христианской культуры, которыми пронизано практически всё мировое европоцентричное искусство. И под этим углом зрения воздействие Библии на мировую, и в том числе – на русскую литературу, в частности XX века, несмотря на свою уникальность, находится в одном ряду со многими другими культурогенными факторами, составляющими актив человеческой цивилизации, такими, как древнегреческая и римская культура, мировой фольклор, Всемирная история. Герои и сюжеты Вечной Книги выполняют такую же формообразующую роль, как “Илиада”, Робин Гуд и Великая французская революция.

Русская литература XX века в массе своей формировалась под воздействием двух идеологических влияний. Одно из них было явным, очевидным, нисколько не скрываемым, а наоборот – декларируемым. Это влияние марксистской, большевистской идеологии. Второй фактор, под воздействие которого попала литература исследуемого периода, был неявным, скрытым, более того – скрываемым. Влияние христианской культуры на советскую литературу оказалось возможным вследствие двух причин.

Основной из них было типологическое совпадение исторических эпох. Как эпоха раннего христианства, так и эпоха пролетарских революций в силу своей социальной близости породили аналогичный тип безусловного мирознания как руководящей идеи. Второй же причиной, обусловившей воздействие христианской литературы на литературу советскую, было историческое соседство христианства и русской культуры. Большевизм как атеистически-материалистическая система мировоззрения представляет собой разновидность религиозного вероисповедания. А поскольку ближайшим и наиболее естественным (в силу устоявшегося проникновения в общественное сознание) соседом во времени и в пространстве было христианское, православное вероисповедание, то большевизм сформировался в процессе отторжения и притяжения христианства. В ходе отторжения большевизм, меняя основные знаковые символы с плюса на минус, в своей структуре попал в магнитное поле притяжения христианства и во многом продублировал его. Немаловажную роль сыграло, разумеется, и неизбежное, подсознательное проникновение в формирующуюся новую систему прежних, хоть и общекультурных, но все же – на христианской основе, образов, тем, символов, сюжетов. Из всех известных культур “закрытого” типа христианская оказалась наиболее распространенной, издавна существовавшей в быту и сознании как религиозный и культурологический компонент общественной жизни. Именно поэтому, когда возникла социальная необходимость в создании новой литературы, христианская схема, христианская структура, христианский трафарет построения литературного произведения неизбежно стал наиболее ходовым, наиболее употребляемым в творении образов и сюжетов, которые должны были отразить новую эпоху.

Типологическая близость эпохи наложила на хорошо знакомый способ художественного мышления, и в результате литература, опирающаяся на явно декларируемую антирелигиозность, на самом деле приобрела характер сугубо сакральный. Причем сакральность ее была вторичной, прохристианской.

Таким образом, художественная действительность социалистического реализма, так же, как и мир христианской литературы, принадлежит к “закрытому” типу культуры. Это обусловило их генетическую близость и вызвало массу типологических схождений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В 2-х тт. – М., 1975-1977. – Т.2.
2. Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1966.
3. История русской советской литературы. Под ред. А.И. Метченко и С.М. Петрова. – М., 1975.
4. Каутский К. Происхождение христианства. – М., 1990.
5. Ницше Ф. Сочинения. В 2-х тт. – М., 1990. – Т.2.
6. Русская советская литературная критика (1917–1934). Хрестоматия. – М., 1981.
7. Тюпа В.И. Соотношение каузального и имманентного в литературном развитии // Литературный процесс. М., 1981. С. 53–87.

ПОЭТИ-ДОНОРИ: ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МОДЕРНИЗМА

Олександр ГОН

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Метою статті є розгляд “донорської” функції французької літератури у формуванні естетичних, стильових і ідеологічних домінант англоязычного модернізму. В.Б. Сйтс, Т.С. Еліот, Е. Паунд уважно придивлялися до творчих здобутків французьких митців. Новації у лінгвістичних конвенціях нарративу Джойса теж були результатом впливу французької літератури. Творчі і рецептивні аспекти англо-французьких взаємовпливів виявилися глибинно співвіднесеними з художньо-формальними експериментами модерністської поезії і прози.

Ключові слова: модернізм, імажізм, донорська функція національної літератури.

Целью статьи является рассмотрение “донорской” функции французской литературы в формировании эстетических, стилистических и идеологических доминант англоязычного модернизма. У.Б. Йейтс, Т.С. Элиот, Э. Паунд внимательно присматривались к творческим достижениям французских писателей. Новации